

005007234

На правах рукописи

Дашнева Соелма Цырен-Дашиевна

**Фразеологическая вербализация гендера:
лингвокультурологический аспект
(на материале бурятского, монгольского,
русского и китайского языков)**

специальность 10.02.22 – языки народов зарубежных стран
Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии
(монгольские языки)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

12 ЯНВ 2012

Улан-Удэ – 2011

Работа выполнена на кафедре бурятского языка Национально-гуманитарного института ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

Научный руководитель

доктор филологических наук
Санжина Дарима Дабаевна

Официальные оппоненты

доктор филологических наук
Хундаева Елизавета Очировна

кандидат филологических наук
Тагарова Татьяна Бороевна

Ведущая организация

ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств»

Защита состоится «31» января 2012 г. в 16 часов на заседании диссертационного совета Д 003.027.02 в Учреждении Российской академии наук Институте монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН по адресу: 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Бурятского научного центра СО РАН по адресу: 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

Автореферат разослан «23» декабря 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Цыбикова Б-Х.Б.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В мировом и отечественном языкознании на современном этапе разработаны и определены основные понятия фразеологии. Изучение фразеологического фонда с разных позиций и точек зрения создает новые лингвокреативные направления, в центре которых стоит человек, творящий и творимый языком.

Антропоцентричность языка наиболее явно проявляется во фразеологии, являющейся ярким фрагментом языковой картины мира, где человек прежде всего предстает в архетипической для человеческой культуры оппозиции – «мужчина - женщина».

Первоначально маскулинность и фемининность были зафиксированы еще в мифологии как основная бинарная дихотомия, посредством которой интерпретировался весь мир – и славянские представления о Земле-матери и Небе-отце, и древнекитайская концепция Инь и Ян [Маслова 2001, с.121], и у монголызычных народов *үндэр тэнгэри эсэгэмнай, үлгэн дэлхэй эхэмнай* «высокое небо – отец наш, широкая земля – мать».

Учение о взаимодействии мужского и женского начал, которое является основой развития Мира, на сегодняшний день приобрело особую значимость в жизни всего мирового сообщества и практике межкультурной коммуникации.

Гендерный фактор является одним из важнейших параметров личности, включающий в себя пол не только как биологическую субстанцию, но и как социально и культурно маркированный умственный конструкт. Так, Д. Малишевская определяет гендер как «комплекс социальных и психологических процессов, а также культурных установок, порожденных обществом и воздействующих на поведение индивида...» [Малишевская 1999, с.180].

Изучение гендерно обусловленной информации, зафиксированной во фразеологическом фонде того или иного национального языка, оказывается содержательным материалом, позволяющим вскрыть те установки и стереотипы, характеризующие лиц мужского и женского пола, которые складывались в языке на протяжении многих веков.

Наше обращение к изучению гендерной фразеологии в лингвокультурологическом аспекте генетически неродственных языков, таких как монгольские, русский и китайский, является неслучайным.

Россия, Монголия и Китай являются ближайшими соседями, в связи с чем вольно или невольно эти страны всегда находились и находятся в

тесном взаимодействии и взаимовлиянии, несмотря на то, что культуры народов, населяющих данные государства во многих аспектах различны.

Сопоставительное исследование фразеологического фонда бурятского, монгольского, русского и китайского языков представляется особенно важным в условиях нашей многонациональной республики, когда наблюдается активное смешение вышеуказанных народов, языков и культур, «когда межкультурная коммуникация происходит ежеминутно и человечество понимает, что выживание, продолжение и развитие цивилизации во многом зависит именно от эффективной межкультурной коммуникации. Как никогда встала проблема воспитания терпимости к чужим культурам, пробуждения интереса и уважения к ним, преодоления в себе чувства раздражения от избыточности, недостаточности или просто непохожести других культур» [Тер-Минасова 2000, с.9].

Значимость данного исследования обуславливается также тем, что попытка сопоставительного изучения фразеологии с учетом биологического пола, таких разноструктурных, генетически неродственных языков как монгольские, русский и китайский предпринимается впервые.

Все вышеизложенные факты определили **актуальность** темы исследования.

В связи с этим определилась **цель** диссертационного исследования – выявить уникальные и универсальные особенности гендерно маркированных фразеологизмов в бурятском, монгольском, русском и китайском языках.

Исходя из этой цели, в диссертации были определены следующие **задачи**:

- определить степень изученности и место фразеологии в исследуемых языках;
- обозначить гендер в качестве одного из факторов изучения фразеологизмов;
- установить культурно-трансляционную функцию фразеологизмов;
- репрезентировать концепты «мужчина» и «женщина», сравнить и выявить универсальные и национально-специфические черты в бурятских, монгольских, русских и китайских гендерно маркированных фразеологизмах.

Объектом исследования являются гендерно маркированные фразеологизмы и паремии, бытующие в бурятском, монгольском, русском и китайском языках.

Предмет исследования представляет лингвокультурологический аспект гендерно маркированных фразеологизмов и паремий указанных языков.

Степень изученности проблемы. Становление фразеологической науки в 40-х годах прошлого столетия связано прежде всего с именем В.В. Виноградова. Акад. В.В. Виноградовым впервые была разработана универсальная классификация фразеологических оборотов, применяемая к любому языку.

Вслед за В.В. Виноградовым интерес к фразеологии проявляют многие исследователи, чьи имена занимают достойное место в лингвистике (И.Е. Аничков, В.Л. Архангельский, О.С. Ахманова, А.М. Бабкин, В.П. Жуков, А.И. Молотков, В.Н. Телия, Н.М. Шанский, Ю.Ю. Авалиани, Л.И. Ройзензон и др.).

Фразеологический фонд монгольских языков обстоятельно изучался в работах монгольских, бурятских и калмыцких исследователей, таких как Г.Д. Санжеев, Т.А. Бертагаев, Л. Мишиг, Т. Пагба, Чой Лувсанжав, Ц.Б. Будаев, Г.Ц. Пюрбеев, Л.Д. Шагдаров, Ш.Р. Цыденжапов, Д.Л. Шагдарова, Д.Д. Санжина, Т.Б. Тагарова и др., в которых были исследованы семантические разряды и структурные типы фразеологических единиц, методика преподавания, пути обогащения фразеологического фонда, фразеологические единицы старописьменного монгольского языка и т.д. В работах исследователей содержатся важные наблюдения и выводы, касающиеся фразеологического состава монгольских языков. В лингвокультурологическом аспекте фразеологию рассматривают Ж. Баянсан, Б. Уранчимэг и Ц. Ширнэн.

Место фразеологии в китайской лингвистике на сегодняшний день остается достаточно скромным. Фразеология рассматривается в рамках лексикологии. Из наиболее известных китайских ученых-лингвистов, которые внесли большой вклад в развитие науки и чьи труды по фразеологии китайского языка имеют немаловажное значение, следует назвать Ма Гофаня, Ни Баоюаня, Яо Пэнцзы, Вэнь Дуаньчжэна и др.

В отечественном китаеведении фразеология была объектом научных исследований А.П. Рогачева, З.И. Барановой, М.Г. Прядохина, В.И. Горелова, А.Л. Семенас, И.В. Войцехович и др.

Все проведенные исследования зарубежных и отечественных лингвистов послужили основой для дальнейшего развития новых направ-

лений фразеологии. Тема человека во фразеологии, как было отмечено выше, является на сегодняшний день одним из приоритетных направлений. Несмотря на достаточно широко разработанность данной проблемы в лингвистической и других науках, поиски путей исследования многообразия свойств и качеств человека и связи его с языком не прекращаются.

Принцип «человека в языке», или антропоцентризма, в центре внимания которого находится взаимодействие человека и языка нашел отражение в работах А. Вежбицкой, Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяна, В.М. Алпатовой, Г.А. Багаутдиновой и др.

Антропоцентрическая фразеология переживает в настоящее время «новый стадийный виток» в своем развитии, который можно назвать интерпретирующим, поскольку «именно с интерпретацией связаны теперь надежды на прогресс в теории фразеологии, фразеологической практике и фразеологической дидактике» [Алефиренко 2005, с.67].

«Новый стадийный виток» позволяет выделить новое перспективное направление в лингвистике – лингвистическая гендерология.

Основу для изучения гендера сформировали В. фон Гумбольдт, Р. Лакофф, М. Мид, К. Уэст, Д. Таннен, Е.И. Горошко, В.И. Карасик, А.В. Кирилина, А.М. Шахмайкин, М.А. Кронгауз, Д. Малишевская, О.А. Воронина и др.

В настоящее время лингвистическая гендерология заняла «прочное место в языкознании, получив статус самостоятельного лингвистического направления» [Горошко, Кирилина 1999, с.241]. Изучая проблемы феминистской лингвистики, А.В. Кирилина подвергает критике язык за его андроцентричность, где мужчина является точкой отсчета языковых координат [Кирилина 2005, с.9].

В случае исследования гендерных особенностей ряда языков, неизбежно их межкультурное сравнение, чему в последнее время посвящается значительное количество работ.

Исследование гендерных особенностей в сопоставительном аспекте на материале разноструктурных языков проводят А.В. Артемова, О.Г. Чибышева, Д.В. Семенова, Л.А. Мисиева, К.С. Волошина и др.

Гендерные стереотипы в языковом сознании русских и бурят на основе ассоциативного эксперимента выявлены в работе Ж.Б. Жалсановой «Этническая составляющая гендерного стереотипа в языковом сознании русских и бурят» (2009).

Е.С. Бадмаева изучила фразеологизмы и поговорки, отражающие гендерные особенности когнитивного измерения маскулинности и феминности.

нинности, представленные в сознании франко-, русско- и бурятскоязычной личностей в диссертации «Концептуальные пространства маскулинности и фемининности: на материале фразеологизмов и паремий» (2010).

Во фразеологии китайского языка гендерный аспект рассмотрен в диссертационном исследовании Лю Бо «Концепт «Женщина» в русской языковой картине мира: на фоне китайской» (2010).

Все вышеизложенное еще раз свидетельствует об актуальности предпринятого исследования, на том основании, что до настоящего времени не рассматривались гендерно маркированные фразеологизмы бурятского, монгольского, русского и китайского языков в лингвокультурологическом аспекте.

Материалом исследования явились фразеологические единицы, пословицы и поговорки семантически ориентированные на человека по признаку биологического пола, извлеченные методом сплошной выборки из различных словарей: Буряд-оруд толи в 2-х т. под ред. Л.Д. Шагдарова, К.М. Черемисова (2008), Бурятско-русский фразеологический словарь под ред. Ш.Р. Цыденжапова (1992), Краткий фразеологический словарь монгольского языка под ред. Г. Акима (1982), Словарь-справочник «Фразеологические единицы в языке бурятской прозы» (сост. Т.Б. Тагарова, 2006), Фразеологический словарь русского языка под ред. А. И. Молоткова (1986), Фразеологический словарь современного русского литературного языка под ред. А.Н. Тихонова (2004), Большой фразеологический словарь русского языка под ред. В.Н. Телия (2006), Словарь русских пословиц под ред. В.М. Мокиенко (2007), Китайско-русский словарь под ред. И.М. Ошанина (1955), Фразеологический словарь китайского языка под ред. Сюй Чжэньшэн (2004), Китайско-русский фразеологический словарь под редакцией О.М. Готлиба, Му Хуаина (2007), в качестве вспомогательного материала были использованы фольклор и произведения бурятских писателей.

Основные методы исследования: метод сплошной выборки, описательный и сопоставительный; методы компонентного и когнитивно-анализа единиц языка; приемы и методика концептуального анализа.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые проводится сопоставительное исследование гендерных фразеологизмов бурятского, монгольского, русского и китайского языков с позиции лингвокультурологии.

Гендерно маркированные фразеологизмы в лингвокультурологическом аспекте раскрывают особенности мировоззрения, психоэмоцио-

нального и интеллектуального освоения окружающего мира представителями изучаемых этнических групп.

В работе представлены основные аспекты отражения образа человека по признаку биологического пола во фразеологическом корпусе генетически неродственных языков.

Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении универсального и национально-специфического во фразеологической картине мира бурят, монголов, русских и китайцев. Основные положения и выводы диссертации могут стать основой для дальнейших исследований фразеологии в лингвокультурологическом аспекте на материале разных языков.

Результаты исследования имеют теоретическое значение для пограничных с лингвистикой наук – этнолингвистики, лингвокультурологии, этнопсихологии. Они могут быть использованы при описании гендерной лексики и фразеологии других языков.

Практическая значимость работы определяется возможностью прикладного использования ее результатов в теоретических курсах лексикологии (раздел фразеология), практике преподавания фразеологии монгольских языков, специальных курсах по сопоставительной фразеологии, лингвокультурологии, практике преподавания страноведческих дисциплин, этнолингвистики и межкультурной коммуникации и т.д.

Положения, выносимые на защиту:

1. Фразеологический фонд каждого языка, кроме общих черт, имеет свой ярко выраженный, колоритный и этноспецифичный характер;
2. В концептуальном поле маскулинности панкультурными признаками являются смелость, мужество, физическая сила, отцовство;
3. В концептуальном поле фемининности панкультурными признаками являются глупость, болтливость, материнство;
4. Исследованный материал подтверждает андроцентричность языка;
5. Национально-культурные уникальные признаки гендерно маркированных фразеологизмов определяются наличием:
 - собственных, мифологических, исторических имен;
 - географических названий;
 - названий различных предметов быта, пищи, орудий труда, предметов одежды, объектов флоры и фауны.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены на международных конференциях и семинарах: «Филологиче-

ское образование в школе: приоритеты и перспективы» (11 декабря 2007 г.); «Проблемы монголоведных и алтаистических исследований» (2009); «Фундаментальные и прикладные исследования в системе национального образования» (20-21 февраля 2009 г.); «Динамика языковой ситуации в монгольском мире» (21 октября 2010 г.).

По теме диссертации опубликовано 8 работ, 2 из них – в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, определяются объект, предмет, цель, задачи исследования, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, выявляется степень изученности темы и научная новизна проведенного исследования, описываются используемые в диссертации приемы и методы исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации.

В **1 главе «Теоретические вопросы фразеологии бурятского, монгольского, русского и китайского языков»** рассматриваются вопросы изученности фразеологии в исследуемых языках, проблематика гендера во фразеологии и национально-культурная специфика фразеологизмов.

В **параграфе 1.1. «Место фразеологии в бурятском, монгольском, русском и китайском языках»** анализ степени изученности фразеологии показал, что в китайском языкознании в отличие от бурятского, монгольского и русского, место фразеологии остается достаточно скромным. Однако издание огромного количества фразеологических словарей свидетельствует о значительных достижениях китайской лексикографии и о неослабевающем интересе к фразеологии.

В отечественном языкознании фразеология оформилась в самостоятельную науку под влиянием академика В.В. Виноградова, который разработал универсальную классификацию фразеологических оборотов, приложимую к любому языку. Он выделяет три типа фразеологизмов: 1) фразеологическое сращение, 2) фразеологическое единство, 3) фразеологическое сочетание [Виноградов 1947, с. 345].

К классификации В.В. Виноградова Н.М. Шанский добавил еще один тип фразеологических выражений, куда вошли пословицы, поговорки и крылатые слова [Шанский 1963, с.18].

Проблемы фразеологии монгольских языков были изучены в исследованиях Т.А. Бертагаева, Ц.Б. Будаева, Г.Ц. Пюрбеева, Ч. Лувсанжава, Ш.Р. Цыденжапова и др. Ученые выражают разные точки зрения по объему и объекту фразеологии.

В данном исследовании мы придерживаемся классификации Ц.Б. Будаева, составленной в полном соответствии со схемой Н.М. Шанского: 1) фразеологические сращения *нишлэн тогтомол холбоо үгэнүүд*; 2) фразеологические единства *нэггэдэн тогтомол холбоо үгэнүүд*; 3) фразеологические сочетания *зохилдоон тогтомол холбоо үгэнүүд*; 4) фразеологические выражения *найруулхан тогтомол холбоо үгэнүүд* [Будаев 1964, с.153].

Китайские фразеологизмы Ма Гофань делит на пять основных рядов: 1) готовые выражения или идиома (成语 *chengyu* «чэньюй»); 2) привычные выражения или фразеологическое сочетание (惯用语 *guan-yongyu* «гуаньюньюй»); 3) пословицы (谚语 *yanyu* «яньюй»); 4) поговорки (俗语 *suyu* «суюй»); 5) усеченные выражения или недоговорки-иносказания (歇后语 *xiehouyu* «сехоууй») – феномен, отсутствующий во фразеологии других языков. Недоговорка-иносказание состоит из двух частей: первая – иносказание, вторая – раскрытие его смысла, например, 猫哭老鼠 – 假慈悲 «кошка оплакивает мышь – проявляет притворное сострадание, лицемерно сочувствует». Значение недоговорки раскрывается в ее второй части.

Оставаясь объектом научных исследований отечественных и зарубежных ученых, фразеология разрабатывает новые направления и подходы, определяются границы и объем фразеологии, совершенствуются методы исследования.

В параграфе 1.2. «Гендерная проблематика во фразеологии» определяется значительная роль фразеологизмов в рамках гендерных исследований. На материале фразеологических единиц раскрывается не только современное видение и представление о культурных категориях маскулинности и фемининности, но и длительный исторический процесс развития архетипической оппозиции «мужчина – женщина».

Вильгельм фон Гумбольдт писал, что «природа, будь даже у нее другие пути для цели продолжения рода, не смогла бы обойтись без того взаимодействия, в котором взаимно дополняют друг друга силы с двумя полами» [Гумбольдт 1985, интернет-источник].

На современном этапе отражение гендера в языке рассматривается в работах Е.И. Горошко (1996), А.В. Кирилиной (1997, 1999, 2003), Д. Малищевской (1999), В.С. Самариной (2010) и др.

Мнения исследователей сводятся к тому, что язык андроцентричен. Язык создает и фиксирует картину мира с мужской точки зрения, основанную на мужской точке зрения, от лица мужского субъекта, с точки зрения мужской перспективы, где женское предстает главным образом в роли объекта, в роли «Другого», «Чужого» или вообще игнорируется [Словарь гендерных терминов 2002, с.30].

Так, для женщины практически любое сравнение с мужчиной позитивно по своей сути, и, как правило, несет положительную оценку, например, *мужская логика*, *мужская хватка* и т.д. Для мужчины любое сравнение с женщиной имеет явную негативную оценку, например, *баба*, *маменькин сынок*, *кисейная барышня* и т.д. Неспособность мужчины принимать самостоятельные решения, безволие, отсутствие активного начала, мужества и мужского достоинства воспринимается как отклонение от нормы в сторону женских стереотипов поведения и решительно осуждается обществом [Малищевская 1999, с.180].

Лингвисты, изучающие природу мужского и женского речевого поведения, обычно сосредотачивают внимание на психологических и социальных аспектах мужского и женского вариантов языка. Это исключает из анализа культурную составляющую концепта «гендер». Поскольку фразеологический фонд является одним из достоверных культуроносных источников, то привлечение в гендерных исследованиях культурной составляющей концепта «гендер», позволит наиболее явственно уловить трансляцию стереотипов национального мировидения и менталитета народа.

В параграфе 1.3. «Национально-культурная специфика фразеологизмов» устанавливается важное предназначение фразеологизмов, которые играют роль стереотипов культуры, а их ситуативная мотивированность связана с мировоззрением народа – носителя языка.

Лингвокультурологическая ценность фразеологизмов бесспорна. В.А. Маслова отмечает, что «В большинстве фразеологизмов есть «следы» национальной культуры, а культурная информация, хранящаяся во внутренней форме фразеологической единицы, придает фразеологизму культурно-национальный колорит...» [Маслова 2001, с.82].

Изучение фразеологического состава языка в контексте культуры – благодатная почва для выявления и описания средств и стереотипов, которые воплощают во фразеологические знаки культурно значимые смыслы. Выступая в этой роли, фразеологизмы не только выражают и межпоколенно транслируют, но и формируют в непрестанном диалоге этих двух разных семиотических систем культурное самосознание народа-носителя языка [Телия 1996, с.1].

Стремление обнаружить и определить национально-культурную особенность фразеологических оборотов тесно переплетается с вопросом изучения человеческого менталитета, воззрения на реальность и способа его осмысления, выраженных на языке. Потому как именно во фразеологии органически сочетаются как опыт отдельной личности, так и опыт многих поколений определенной нации со своими, только им присущими чертами. Об этом верно подмечено Г.Ц. Пюрбеевым: «Фразеология каждого языка, кроме общих черт, сближающих ее с другими языками, имеет нечто свое, обусловленное не только внутренними законами развития, но и характером восприятия явлений окружающей действительности его носителя» [Пюрбеев 1972, с.19].

Особенно интересным представляется изучение фразеологического фонда в русле межкультурного сравнения, потому что именно в сравнении наиболее отчетливо обнаруживается общее и отличное, а «сопоставление является обязательным мыслительным и познавательным приемом во всех науках» [И.А. Бодуэн де Куртенэ].

Таким образом, фразеологические фонды разных языков, сконцентрировавшие в себе многовековое осмысление мира конкретным народом, кроме общих черт, содержат в себе уникальные этномаркеры, идентифицирующие национальное самосознание.

Глава 2 «Фразеологическая вербализация мужчины в бурятском, монгольском, русском и китайском языках» посвящена репрезентации мужчины во фразеологической картине мира указанных языков.

Собранный материал был поделен на основе биопсихосоциальной модели человека, представленной в научных работах по психологии и других смежных дисциплин. Данная модель предполагает рассмотрение человека с трех позиций: биологической, которая включает в себя биофизические данные; психологической – внутренний и духовный мир человека, сознание, волю, переживания, память, характер, темперамент; социальной, которая определяет место и положение человека в семье и обществе. Каждая из представленных моделей позволила нам

выделить фразеосемантические группы. Биологическая картина: 1) внешность; 2) физические данные; 3) возраст. Психологический портрет: 1) характер; 2) интеллектуальные способности. Социальная модель: 1) семья и родственные отношения; 2) положение в обществе.

Параграф 2.1. «Фразеологическая вербализация биологической картины» раскрывает физические данные мужчины, которые являются важнейшим признаком маскулинности. В образе сильного мужчины, независимо от национальной принадлежности, лежит образ богатыря: бур.: *баатар*; русс.: *богатырь*; *косая сажень в плечах*; кит.: *顶天立地* «стоя на земле, головой упираться в небо» – богатырь.

В репрезентации сильного мужчины путем переноса свойств животных подчеркиваются его физические данные, например, бур.: *ухэр хара баатар* «могучий (как бык), черный (крепкий) батор»; монг.: *арслан бар* (букв. «лев с тигром») – величественность, сила; русск.: *здоров как вол*; *здоров как бык*; кит.: *虎背熊腰* «спина тигра, поясница медведя» – богатырь; дюжий молодец.

Фразеосемантическая группа «возраст» представляет не меньший интерес для гендерного анализа. В традиции монголоязычных народов и китайцев люди старшего поколения пользуются большим почетом и уважением: бур.: *болооншоо* – *ама хурэ*, *бууральяа* – *үгэ дуула* (букв. «от варенного отведай, от седого слушай слово»); *年高德劭* букв. «годы преклонные, мораль прекрасна» – почтенный и уважаемый пожилой человек. В русской лингвокультуре мужчины преклонного возраста находятся вне полноценного действующего общества. Это, возможно, происходит в силу снижения его психофизических возможностей, в результате чего уменьшается его роль и значимость в обществе: *старый пень*; *старый хрыч*. Возрастные изменения затрагивают всю структуру личности, влияющие в свою очередь на социальный статус.

Анализ биологической картины мужчины выявил, что внешность для мужчины не является доминантной, она противопоставляется умственным способностям, душевным качествам, практическим и физическим данным.

В параграфе 2.2. «Фразеологическая вербализация психологического портрета» исследуются черты характера и интеллектуальные способности лиц мужского пола.

Изученный материал позволил выделить те внутренние качества, которые в сознании представителей рассматриваемых языков являются наиболее существенными и формирующими мужской характер, поступки и поведение лиц мужского пола.

В бурятской, монгольской и русской лингвокультурах достаточно важными оказываются признаки смелости, храбрости, которые отражают образ стойкого, отважного человека. В качестве лексических компонентов, актуализирующих образ смелого, храброго мужчины, выступают слова, имеющие для носителей бурятского и русского языков, символический характер. Например, *бар* «тигр», *рыцарь*, *орел*. Включение во фразеологизмы зоофрагментов является неслучайным, поскольку формирование образной картины мира определяется освоением территории, адаптацией человека к природной среде обитания. Эта группа фразеологических единиц с зоонимами является одной из самых многочисленных во фразеологическом фонде бурятского, монгольского и русского языков: бур.: *уулын бүргэд* (букв. «горный орел»); монг.: *арслангийн аманд толгойгоо хийх* (букв. «сунуть голову в пасть льва»); русск.: *рыцарь без страха и упрека*; *лучше биться орлом, чем жить зайцем и т.д.*

Многие бурятские, русские и китайские фразеологизмы о храбрости часто реализуются в военной сфере, где особенно ценится такое качество, как мужество: бур.: *эрын ёһоор тэмсээжэ унаха, эмээлтын шадалаар дабхижа унаха* «погибнуть как мужчина, оседлав коня, преодолеть препятствия»; русск.: *героем падешь – поднимут, трусом падешь – раздавят; кто смерти не боится, того и пуля сторонится*; кит.: *百战不殆* букв. «в ста битвах не познавший поражений» – непобедимый; *不可战胜* «непобедимый»; *胆大* «храбрый, отважный».

Наряду со смелостью и храбростью в бурятском и монгольском языках, очень ярко представлены фразеологизмы, репрезентирующие решительность, силу воли, верность данному слову, долг, честь: бур.: *хурса зоригтой* (букв. «с острой волей»); монг.: *эр хүн зорьсондоо эс хүрвэл эм шинжиг олно, эр морь харайсандаа эс хүрвэл гүү шинжиг олно* (букв. «если мужчина не достигнет своей цели, то превратится в женщину, а если конь не допрыгнет, не доскачет, то станет кобылицей»); *эр хүн хэлсэндээ, чоно зуусандаа* (букв. «мужчина верен слову, а волк – своей хватке»).

В количественном отношении китайские фразеологизмы о смелости и мужественности уступают монгольским, бурятским и русским. Причина такого явления, возможно, кроется в сильном влиянии конфуцианской идеологии, которая рассматривала человеческую жизнь как непрерывный процесс учения и воспитания. Идеалом конфуцианства должен быть *君子* «цзюньцзы» *благородный (праведный) человек, ко-*

торый должен следовать определенным правилам: «пять постоянств благородного (праведного) человека»: 仁 «жень» – «человеческое начало», «любовь к людям», «гуманность»; 义 «и» – «правда», «справедливость»; 礼 «ли» – «обычай», «ритуал» – верность обычаям, соблюдение обрядов; 知 «чи» – «здравый смысл», «благоразумие», «мудрость» – умение просчитать следствия своих действий, посмотреть на них со стороны, в перспективе; 信 «синь» – «искренность», «доброе намерение».

Влияние конфуцианского учения нашло отражение во фразеологической картине мира, представляя обществу образ праведного человека: 一本正经 букв. «один том настоящих канонов» – серьезный, солидный, порядочный; 玉洁冰清 букв. «светлый как яшма, чистый как лед» – великолепные моральные качества.

Во многих китайских фразеологизмах, репрезентирующих высокие моральные качества, присутствуют почитаемые китайцами мифические животные – дракон, феникс и цилинь: 云起龙骧 букв. «облака поднялись, дракон взмыл ввысь» – выдающийся человек; 龙驹凤雏 букв. «детеныш дракона, птенец феникса» – молодое дарование; 凤毛麟角 букв. «перья феникса, рог цилиня» – редкостный талант; уникам.

В бурятском языке интеллектуальные способности мужчины акцентированы не менее ярко, чем в китайском. В мужчине приветствуется наличие ума, образованности: бур.: эрэ хүн эрдэмээрээ «мужчина ученостью хорош»; хүлэг туруугаараа шгардаг, хүн эрдэмээрээ шгардаг «скакуна прославляют копыта, человека возвышают знания».

С определенным перевесом в количественном отношении в русском языке функционируют фразеологические единицы и поговорки, вербализующие не очень высокие интеллектуальные способности мужчин: до лысины дожил, а ума не нашил; отчего мужик дешев? – оттого что глуп; Иван-дурак; тупой как валенок; борода росла – разума не принесла и т.д.

Однако для русского человека характерны широта души, доброта и ее проявление к людям любой национальности. Доброта русского народа во всех его слоях проявляется в отсутствии злопамятности. Русские не умеют ненавидеть, им свойственны смирение и незлобивость:

мухи не обидит; кроткий как ягненок; добрый мальй, добрый дядя; душа нарасташку, золотое сердце и т.д. Фразеологизмы о доброте строятся на образах большого, открытого сердца, широкой души, а иногда и снимет с себя последнюю рубашку.

Еще одной характерной чертой русского народа является трудолюбие, и компонентами этой группы чаще всего становятся зоонимы, являющиеся символами трудолюбия: *пчелка, муравей, лошадь*. Также в русских фразеологизмах, репрезентирующих трудолюбие, часто встречается мужское орудие труда – *топор*, который однозначно отсылает нас к мужскому денотату: *трудолюбивый как пчелка (муравей); рабочая (ломовая) лошадь; мужик без топора хуже бабы; мужику не покор, что за поясом топор и т.д.*

Общечеловеческой универсалией является неодобрительное отношение к лени. Некоторые расхождения в образном восприятии мира объясняются культурно-национальной спецификой изучаемой языковой общности: бур.: *залхуу хүн забагтаа хүрэхэгүй, заяанай муу уһанда хүрэхэгүй* (букв. «лентяй не дотянется до полки, а природный паршивец не сходит за водой для питья»); монг.: *ухнын гурван бор шогшоогоор* (букв. «козел ходит тихой рысцой») о человеке, который кое-как справляется с работой; русск.: *лентяя хлебом не корми, только с печи не гони; у лентяя Федорки всегда отговорки* и т.д.

Отсутствие фразеологизмов, вербализующих трудолюбие и лень в китайской лингвокультуре объясняется тем, что нетрудолюбие из характера мужчины вычеркивалось, а трудолюбие не ставилось под сомнение и не требовало особой его вербализации.

Анализ психологического портрета показал, что в указанных лингвокультурах в основном обнаруживается сходный набор фразеосемантических групп, что говорит об определенной общности восприятия мужчины в разных этнических обществах. Мужчина должен быть сильным, мужественным, храбрым. Расхождения во взглядах можно объяснить различной степенью актуальности той или иной характеристики в сопоставляемых языках. Так, в монгольском, бурятском и китайском языках превалирует группа, отражающая интеллектуальные способности. Характерной чертой русских является трудолюбие, широта души, доброта, еще одной отличительной особенностью русских фразеологизмов является наличие в них имен собственных, китайские фразеологизмы характеризуются наличием мифических животных.

Параграф 2.3. «Фразеологическая вербализация социальной модели» раскрывает положение мужчины в семье и обществе. К пан-

культурному признаку относится традиционно главенствующая роль мужчины в семье, на которого возлагается важная роль отца семейства, включающая в себя содержание и воспитание будущего поколения. В связи с этим, отмечается положительная вербализация роли отца, как воспитателя. Отец пользуется непререкаемым авторитетом, мнение которого неоспоримо. Однако отношения отцов и детей несколько отличаются в зависимости от национального, культурного, классового типа семьи. Роль наказания, особенно физического, значительно выше в русских и китайских семьях.

В монголоязычной семейной традиции роль отца и матери одинаково важна, тогда как в русской семье подчеркивается первостепенность матери, в китайской – отца: бур.: *эхэ эсэгэ хоёр – наран хара хоёр* «мать и отец – солнце и луна»; монг.: *эхийн сургал эрдэнэ, аавын сургал алт* (букв. «наставления матери – сокровище, а наставления отца – золото»); русск.: *отцов много, мать одна*.

Культ предков в Китае является сердцевинной духовной жизни, а социальный идеал, провозглашенный Конфуцием, сконцентрирован в принципе «сыновней почтительности» 孝 «сяо». Хотя в соответствии с моральными нормами дети должны были проявлять высокое уважение в равной мере как к отцу, так и к матери, однако вся китайская нравственность основывалась на естественной власти отца и безропотном повиновении сына.

Модель семьи в изучаемых лингвокультурах строилась на основе своеобразной субординации. Все недоразумения и конфликты между членами семьи разрешались по принципу главенства старшего над младшим, родителей над детьми, мужа над женой. Главенство одного означало повиновение и подчинение другого.

Несмотря на доминантную позицию мужчины, в русской и монгольской картине мира без жены он предстает как неполноценный член общества: монг.: *эрэггүй ус халимтгай эхнэргүй эр тэнэмтгий* (букв. «без берега вода выходит из русла, а без жены мужчина любит погублять»); *эмээгийн эр өдрийн гулгачин эхнэргүй хүн шонийн гуйлгачин* (букв. «мужчина без седла днем – попрошайка, а без жены ночью – попрошайка»); русск.: *мужик без бабы пуще малых деток сирота; женщина без жены, что баня без верха*.

Проявление слабости мужчины расценивалось как отклонение от нормы и осуждалось обществом. К проявлениям слабости можно отнести пьянство, ярко представленное в русском, монгольском и бурятском языках: русск.: *горький, запойный пьяница; пьяный в дымину;*

мужик напьется – с барином дерется, проспится – свиньи боится; бур.: *нохор үхэртэ худаг бу үзүүлэ, ногтуу хүндэ архи бу харуула* «не подпускай к колодцу слепой скотины, не показывай водки пьяному»; *шал мяхан ногтуу* «пьян, как туша»; монг.: *дөрөөгөө чангалсан хүн* (букв. «человек, укрепивший свои стремена»), т.е. «пьяный человек». Наличие значительного количества выражений, фиксирующих пьянство, свидетельствует о том, что в коллективном языковом сознании пагубное пристрастие мужчины к алкоголю является, к сожалению, широко известным и распространенным явлением, которое влечет за собой проблемы в семье и обществе, а положение в обществе для мужчины играет немаловажную роль.

Особенно ярко это концептуальное поле отражено в языковом сознании бурят, монголов и китайцев: бур.: *айл соогоо алдартай, арад соогоо хүндэтэй* (букв. «пользуется славой и уважением в народе»); монг.: *их гарын хүн* (букв. «человек большой руки»); кит.: 白龙鱼服 «белый дракон в белой чешуе» – про власть имущих, государственных деятелей; 王侯将相 «верховный правитель и удельный князь, генерал и министр» – высшая аристократия; знать.

Таким образом, исследованный материал дает основание утверждать, что наиболее полно образ мужчины раскрывается в социальной модели. Традиционно обусловлена главенствующая роль мужчины в семье, на которого возлагается важная роль отца семейства, включающая в себя содержание и воспитание будущего поколения. Положение в обществе является немаловажным показателем состоятельности мужчины в бурятской и китайской лингвокультурах. Негативной коннотацией обладает проявление слабости, а именно злоупотребление алкогольными напитками в бурятской, монгольской и русской картинах мира.

Глава 3 «Фразеологическая вербализация женщины в бурятском, монгольском, русском и китайском языках» раскрывает образ женщины с трех вышеуказанных позиций: биологической, психологической и социальной.

В параграфе 3.1. «Фразеологическая вербализация биологической картины» рассмотрены наиболее важные для женщин категории – внешность и возраст. Самыми многочисленными оказались фразеологизмы и паремии, вербализующие женскую красоту. В качестве маркеров красивой внешности в восточной культуре, а именно, у монгольских народов и китайцев, чаще всего выступают природные ме-

тафоры, где подчеркивается единая целостность человека и природы, понятие *красота* проявляется в олицетворении с природой: бур.: *уулын буга (согоо)* (букв. «горная лань») – красота, изящество, грациозность; *хайхан басазан – гэрэй шэмэг, хаглагар модон – уулын шэмэг* (букв. «красивая девушка – украшение дома, раскидистое дерево – украшение горы»); кит.: *月眉星眼* букв. «брови как луна, глаза как звезды»; *月貌花庞* букв. «красавица как луна и цветы»; *人面桃花* букв. «лицо словно цветок персика».

Китайский язык относит привлекательную внешность к числу самых значимых ценностей. «Красавица в старом Китае должна была обладать хрупким телосложением, тонкими длинными пальцами и мягкими ладошками, нежной кожей и бледным личиком с высоким лбом, маленькими ушами, тонкими бровями над узкими глазами и маленьким округлым ротиком» [Малявин 2000, с.545], и ножки ее должны быть как «*三寸金莲*» «лотос, величиною в три цуня» (1 цунь=3,73 см.). Этот шедевр декоративной искусственности, который требовал немислимых жертв. Чтобы стать обладательницей таких ножек, девочкам с 5 лет начинали бинтовать стопы до тех пор, пока они не переставали расти. Со временем стопа уже не росла в длину, а выпирала вверх и обретала вид лепестка. Она не давала прочной опоры и вынуждала женщин покачиваться, подобно лирично воспетой иве.

Обнаружено, что русская картина мира отражает вторичность и несущественность внешней красоты, актуализируя при этом признаки здоровой красоты, женскую добродетель и хозяйственность. Женская красота перемещается в плоскость морально-нравственных и социокультурных норм, например, *не ищи красоты, а ищи доброты; красна пава пером, а жена нравом; красота приглядится, а щи не прихлебается; не наряд девку красит, домостройство; кровь с молоком.*

Поскольку возраст женщины оказывает влияние на ее внешний облик, женская красота в русской и в китайской картине мира осмыслиется как временное свойство: русск.: *красота поблекла (отцвела); какова ни будь красна девка, а придет пора – выцветет*; кит.: *色衰* букв. «цвет исчез»; *翠消红减* «изумруды исчезли, красота поблекла» – блекшая женская красота; *香消玉减* «аромат исчезает, яшма тускнеет» – постепенно исчезающая женская красота.

Таким образом, единение человека и природы, наличие зооморфных и флороморфных фрагментов характерно для восточных народов, в данном случае для монголов, бурят и китайцев. В русской картине мира, параметр «красота» постулируется как нерелевантный, привлекательная внешность не так важна как крепкое здоровье, домовитость.

Параграф 3.2. «Фразеологическая вербализация психологического портрета» репрезентирует характер, психоэмоциональные свойства и интеллектуальные способности женщины.

Как правило, женское поведение ассоциируется с болтливостью, упрямством, глупостью, распущенностью, высокой степенью эмоциональности. В связи с этим, подавляющее большинство выражений атрибутируют женщине негативные морально-нравственные качества и низкий интеллект: русск.: *волос длинный, да ум короткий* – бур.: *үһэншинь ута, ухаанинь богони* – кит.: *女人头发长见识短*.

Однако в русской и бурятской картине мира все же допускается такое явление, как умная и мудрая женщина, например, *женский ум лучше всяких дум*; бур.: *эхэнэр хүн эрэнээ хурса байжа болодог* (букв. «бывает женщина умнее (острее) мужчины»), тогда как в китайской картине мира *女子无才便是德* «безграмотность – женская добродетель».

Одной из главных типично женских черт является болтливость: русск.: *не ждет баба спроса, сама все скажет, что вода в решете; шила и мыла, гладила и катала, пряла и ложила, а все языком*; бур.: *ухами шэнги уралтай, хэдэргэ шэнги хэлэтэй* «губы как тесло, язык как кожемялка»; кит.: *女人舌头上没骨头* букв. «женский язык не имеет костей».

Упрямство в русской традиции актуализируется фразеологической единицей *валаамова ослица*. Данное выражение несет в себе негативную оценочность, поскольку упрямство расходится с традиционным представлением о покладистой и покорной женщине, невозможность убедить ее с помощью разумных доводов свидетельствует о глупости референта данного выражения.

У всех без исключения народов легкомыслие и распущенность женщины являются нарушением нравственных канонов, однако фразеологизмы с данной коннотацией нашли отражение только в русском и китайском языках: русск.: *вешаться на шею; ходить по рукам; доступная женщина; девица легкого поведения*; кит.: *женщина легкого*

поведения – 水性杨花 «женская душа как проточная вода и тополиный пух гонимый ветром»; распутница – 柳圣花神 «ива и цветы»; 冶容诲淫 «обольстительный вид, приглашающий к заигрыванию» – легкодоступная женщина.

Традиции любого этнического общества предписывают женщине быть скромной, застенчивой, мягкой: монг.: *хонинос номхон* «смирнее овцы»; бур.: *эхэнэрэй сэдхэл хөөбэри шэнги зөөлэн, эрэ хүнэй сэдхэл шулуун шэнги хатуу* «женская душа мягкая как пух, а мужская – твердая как камень»; русск.: *тургеневская девушка* (скромная, застенчивая, молчаливая); кит.: 荆钗布裙 «терновые шпильки и холщовая юбка» – простота и скромность женщины.

Наряду с вышеуказанными женскими признаками описывается эмоциональный женский нрав, отличный от мужского и типичный способ выражения чувств: монг.: *тогоо нэрэх дуртай* (букв. «любит гнать котел») – девушка, которая любит плакать; русск.: *женский обычай – слезами беде помогать; без плачу у бабы дело не спорится; у баб да у пьяных слезы дешевы*.

Значительная часть ФЕ репрезентирует негативную оценку нравственных качеств и поведенческих норм, как злость и дурной нрав, например, бур.: *хүхэ үлэгийн* «стерва»; русск.: *старуха три года на Киев серчала, а Киев не знал; у злой Натальи все люди канальи*; кит.: 最毒妇人心 «злейшая душа – женская»; 母老虎 «тигрица» – сварливая, злая женщина.

Вербализация маскулинных качеств характерна для русской и китайской лингвокультуры: русск.: *мужик в юбке; бой-баба; железная леди*; кит.: 巾帼英雄 «женщина-герой»; 女中丈夫 «мужественная женщина»; 女中豪杰 «женщина-рыцарь». Данные фразеологизмы объективируют признаки решительности, энергичности, смелости и храбрости. Ярким примером духовно и физически сильной русской женщины могут служить строки из поэмы Н.А. Некрасова «Русские женщины»: *«Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет»*.

Несмотря на наличие некоторых положительных характеристик, к сожалению, распространенное мнение о глупой, злой, легкомысленной женщине скорее подтверждается, чем опровергается. В сознании людей женщина зафиксирована как существо болтливое, глупое.

Но нельзя утверждать о полном соответствии женских характеристик в монгольской, бурятской, русской и китайской культурах. Отличительной особенностью женщин у русских и монголоязычных народов является мудрость, которая подтверждается рядом ФЕ. В русской и китайской лингвокультурах достаточно ярко актуализируются маскулинные признаки, такие как мужественность, смелость, храбрость.

В параграфе 3.3. «Фразеологическая вербализация социальной модели» раскрываются наиболее важные для женщины социальные роли жены и матери.

Идеальная личность женщины у каждого народа связана с образами добропорядочной жены, заботливой матери, умелой хозяйки. Главное предназначение женщины состояло в укреплении семьи, воспитании детей, поддержании семейного очага.

Образ идеальной жены по православному канону состоит в следующем: «1) слушаться мужа, нрав свой склонять к его нраву, быть всецело преданной, не загадывать ничего без его воли. 2) верно исполнять его распоряжения, советы. 3) в случае несогласия быть уступчивой и терпеливо сносить все, что покажется не по нраву, иначе не сохранишь мира в семье. 4) но своей мудростью и влиянием может изменить нрав мужа, если он не исправен. 5) себя украшать добродетелями. 6) помнить, что на ее доле домашние дела (исполнитель - жена)» [Православная семья в современном мире 2001, с.22].

Примечательно, что в бурятской и китайской традициях культивирование нравственных и хозяйственных качеств начиналось с детства. Практическая подготовка девочек у бурят осуществлялась через систему «Девять наставлений женщины»: 1) любить красоту, быть чистой; 2) быть спорой в делах; 3) быть ласковой к детям; 4) быть опорой мужа, верной женой; 5) уважать родителей мужа; 6) быть спокойной и благоразумной; 7) заслужить благословение пожилых; 8) совершать добродетели; 9) пользоваться уважением друзей и быть гостеприимной [Тумунов 1999, с.50].

В Китае родители должны научить дочь трем правилам подчинения и четырем добродетелям. Три правила подчинения: дома повиноваться отцу; когда выйдет замуж, повиноваться мужу; когда останется вдовой, повиноваться сыну. Четыре добродетели: супружеская верность, правда в речах, скромность в поведении, усердие в работе.

В силу патриархального уклада общества женщина занимала более низкое положение, чем мужчина. Многие фразеологизмы и паремии доказывают такие стереотипы поведения, согласно которым женщина

играет подчиненную роль при мужчине, становится его слугой и виновницей семейных бед: монг.: *эрийн боол* (букв. «слуга мужчины, мужа»); *эмчийн муугаас ухнэ, эмийн муугаас сална* (букв. «умирают из-за плохого врача, разводятся из-за плохой жены»); *эмийн муугаас ядуурна* (букв. «беднеют из-за плохой жены»); кит.: *娶到了媳妇买到的马, 由人骑由人打* (букв. женщина, на которой женился, как лошадь купленная, ее бьют и на ней ездят вволю); *嫁鸡随鸡* «за кого вышла замуж, тому и угождай».

Значительная необходимость замужества наблюдается в русской языковой картине мира, где женщине важно выйти замуж, хотя бы и за худого человека: *муженек хоть всего с кулачок, да за мужниной головой не сижусь сиротой; с мужем худо, без мужа – и того хуже; хоть бита, да сыта; хоть за лысого, да близко; хотя за нищего, да в Татицево; хоть за старца, лишь бы в девках не остаться.*

Небольшая группа русских пословиц отражает насилие в семье, характерное для быта русских крестьян [Герасимова, Галданова, Очирова 2000, с.66]: *бьет, значит любит; кого люблю, того и бью; люби жену как душу, трясги ее как грушу.* В бурятской семье «отношения между супругами внешне характеризовались сдержанностью, даже некоторой суровостью. Ласковое обращение с женой, особенно при посторонних, считалось у бурят не достойным мужчины. Однако избиения, издевательства и грубый деспотизм были исключительным явлением в бурятском быту, осуждавшимся общественным мнением» [Басаева 1991, с.51].

Положительно коннотированным во фразеологических системах всех четырех языков предстает образ доброй матери: бур.: *эжытэй хүн эльгэ дүүрэн* (букв. «у человека с матерью, душа (печень) полна»); *эхын жаргал үхибүүдтээ* «счастье матери в детях»; русск.: *от солнышка тепло, от матушки добро; нет лучшего дружка, чем родная матушка*; кит.: *母难之日* «день страдания матери»; *儿生娘苦日* «день, когда ребенок родился, заставил пострадать мать».

В русской картине мира роль матери первостепенна: *без отца – полсирота, а без матери и вся сирота.* Важной особенностью монгольских и бурятских гендерных стереотипов является наличие во фразеологизмах и поговорках неделимого понятия отец-мать, означающего, что матери и отцу отводится равная важная роль в семье: бур.: *эхэ хүн эльгэньээ, эсэгэ хүн зүрхэньөө* «мать к детям от души, а отец – от сердца».

Таким образом, социальное положение женщин в исследуемых нами этнокультурах, имеет больше совпадений, чем отличий. Прослеживается влияние патриархального строя, где выработаны определенные стереотипы поведения, согласно которым женщине предписывается подчиненное положение.

В заключении отражены основные выводы проведенного исследования. Анализ фразеологического и паремиологического фондов бурятского, монгольского, русского и китайского языков выявил как общие, так и специфичные моменты в репрезентации маскулинности и фемининности в культуре и языке.

Универсальные межязыковые стереотипы мужественности и женственности объясняются общим взглядом на мир, взаимопроникновением образов культур в результате культурных связей, наличием единых элементов культуры. Так, панкультурными признаками маскулинности являются смелость, физическая сила и отцовство. Панкультурными признаками фемининности являются глупость, болтливость, материнство.

Бурятская, монгольская, русская и китайская фразеология представляют несвободный образ женщины, наблюдается более низкая оценка ее деятельности. Во фразеологических системах исследуемых языков отражена преимущественно мужская картина мира, подтверждая тем самым андроцентричность языка.

Мужские и женские образы создаются присутствием различных экстралингвистических факторов. Свидетельством ярко выраженной национально-обусловленной специфики монгольских народов являются зооморфные коды, отражающие кочевнический образ жизни: *ухана, ухами, хэдэргэ, морин* и т.д.

Русская фразеология богата наличием имен собственных и географических названий: *Иван, Наталья, Федот, Татищево, Киев* и т.д.

Для китайской лингвокультуры характерно наличие образов мифических животных, объектов флоры и фауны: *дракон, феникс, цилинь, яшма, лотос, бамбук, нефрит*.

Зафиксированные во фразеологическом корпусе традиционные эталоны маскулинности и фемининности оказываются сильнее фактора социального равенства между мужчиной и женщиной, подтверждая тем самым устойчивость в этническом сознании сложившихся стереотипов и консервативность языка, который играет основополагающую роль в формировании самосознания и системы ценностей каждой личности.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК:

1. Дашиева, С.Ц-Д. Об этнокультурной специфике идиоматики, связанной с образом человека (на материале бурятского, китайского и русского языков) / С.Ц-Д. Дашиева // Вестник Бурятского государственного университета. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2009. – Вып. 8. – С.146-151.
2. Дашиева, С.Ц-Д. Гендерная специфика во фразеологии (на материале бурятского, китайского и русского языков) / С.Ц-Д. Дашиева // Вестник Бурятского государственного университета. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – Вып. 8. – С.67-70.

Статьи в научных сборниках и журналах:

3. Дашиева, С.Ц-Д. Классификация фразеологизмов китайского языка / С.Ц-Д. Дашиева // Проблемы этноязыковой трансформации в Центрально-Азиатском регионе: материалы международной интернет-конференции, 2007.
4. Дашиева, С.Ц-Д. Фразеологизмы как отражение национальной культуры / С.Ц-Д. Дашиева // Филологическое образование в школе: приоритеты и перспективы: материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием (11 декабря 2007 г.). – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2008. – С.19-21.
5. Дашиева, С.Ц-Д. Образ человека в языковой картине мира / С.Ц-Д. Дашиева // Ежегодный сборник статей Бурятской академии МНР «Буриад судлал», №3, г.Улан-Батор, 2009. С. 56-62.
6. Дашиева, С.Ц-Д. Фразеологические единицы бурятского и китайского языков: лингвокультурологический аспект / С.Ц-Д. Дашиева // Проблемы монголоведных и алтаистических исследований: материалы междунар. конф., посвящ. 70-летию проф. В.И. Рассадина. – Элиста: Изд-во Калмыц. гос. ун-та, 2009. – С.81-82.
7. Дашиева, С.Ц-Д. О некоторых фразеологических соответствиях в номинации картины мира бурят, китайцев и русских / С.Ц-Д. Дашиева // Фундаментальные и прикладные исследования в системе национального образования: материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию Д.М. Мижидона (20-21 февраля 2009 г.). – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. – С.81-85.

8. Дашиева, С.Ц-Д. Гендерная фразеология (на материале бурятского, русского и китайского языков) / С.Ц-Д. Дашиева // Динамика языковой ситуации в монгольском мире: материалы междунар. научн.-метод. семинара (21 октября 2010 г.). – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011. – С.97-100.

Подписано в печать 21.12.2011. Бумага офсетная. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 1,4
Тираж 100 экз. Заказ № 79

Отпечатано в типографии Изд-ва БНЦ СО РАН
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; тел. (3012) 434786